

Михаил ТУРБИН

В ПОСЛЕВОЕННОМ ДОМЕ

Памяти моей старшей сестры Иры

Запахи сырости, чада. Верх - потолочный горбыль. В лампе из гильзы снаряда Копоть даёт фитиль. Пол земляной и холодный. Печка-времянка, верстак. В двери подсвинок голодный Жалобно тянет «пятак». Девочка - сущая золушка -Хочет в тетрадке прочесть, Что накарябала пёрышком С номером «86»-ть. Щурится, в буковки пялится. Гаснет фитиль, как назло. Скоро, как фея, появится Мама, и будет светло.

Манящий пряником в запасе держит плеть -

Банальность старая без радостного $npo\kappa a$.

Не каждой власти суждено узреть, Что видит с высоты обычная сорока.

Уходят мифы, словно дым в трубу, И остаётся горечь памяти в осадке. Так на лафете орудийном во гробу Надежду мира катят по брусчатке.

 \mathcal{A} а как же так? – а я, а ты, а мы? Закрой свой рот! - ты больше не товарищ... Блеск золотой монеты Сатаны

Затмил умишко неразумной твари.

И снова жизнь течёт сама собой. Неведомо куда, как всё на этом свете. Народ вкуснее пряники печёт И тяжестью свинца ужесточает плети.

ВОЗВРАШЕНИЕ ВЕСНЫ

Ближе становятся дали С каждым сияющим днём. В поле, на первой проталине, Паром пошёл чернозём.

Зраком суровой бойницы Зырится в снежную даль. Звякают с веток синицы, Звонкий роняя хрусталь.

Только нет чувства утраты -Сытится светом душа. Снег на реке ноздреватый. Сыплется наледь шурша.

Вот и ручьи зазвенели Заново зовом к страде. Змейки зелёной кудели Свесили ивы к воде.

Палят сушняк пацанята. Вдруг всполошились: amac!.. Всё так, как было когда-то, Как ещё будет не раз.

ОСЕННЯЯ СОНЬ

Тишь благодатная, сонь Осени в воздухе сизом. Вспыхнувши, гаснет огонь. Дым от костра лезет низом. К снегу — багровый закат, Туча нависшая — к снегу! Вон как грачи мельтешат, Спешно готовясь к ночлегу. Льдинки уносит Ока, Стрежень качает упрямо. Сонь нарушает слегка Издали звонница храма. Словно толчки родника В детстве почуял ладонью. Господи, как коротка Тишь благодатная с сонью.

из прошлого

Будоражат память мне детства отголоски, И, змеясь, уходит вдаль колея повозки.

Осъ колесная с утра дёгтя переела – Выдаёт её траве следом то и дело...

Ливны скрылись позади в мареве и в саже, Лишь торчат клыки руин от ударов вражьих.

Мамин голос надо мной ласковый и сладкий. Но зачем мы едем с ней вдоль лесопосадки?

Слышал детским ухом я: за лесной сторожкой

Легче тряпки обменять на мешок картошки.

Словно мы с передовой, а они – из тыла. Я забыл, как до села добралась кобыла.

Спотыкнулось время здесь – никуда не скачет.

Мирно село отдыхать на хребте у клячи.

И себя не вижу я, но видна телега. На лужайке гуси спят, как остатки снега.

Да лошадку овод злой атакует бодро. Кожа тут же на укус обнажает ребра.

А огромные глаза поверх морды в торбе Отразили целый мир в неподдельной скорби.

ИЗ ПОСЛЕВОЕННОГО ДЕТСТВА

Мне помнится скобленый стол — Сижу мальцом на грубом стуле, Привычно извлекая из патронов пули... Я много в детстве пороха извёл.

Сухим его в окопах добывал В квадратно-ромбо-треугольном виде. Мне уши оборвать (за тишину в обиде) Грозились многие, но дёру я давал.

О, как я лихо самопалами гремел! Взлетали дружно на помойках галки. Рвались в руках опасные «стрелялки», Но, слава Богу, бросил, поумнел.

Печаль моя в далёком, незабвенном, Но и сегодня как кошмарный бред: Играют взрослые нередко с гексагеном, И тишины как не было, так нет.

СТАРЫЙ ОКОП

Меньше зелени день ото дня — Лес готовится долго к обновке. Однолетний побег, торжествуя у пня, Начеку, как трехгранник винтовки.

Взгляд полыни окопной горчит, Догорает металл в поздней охре. Шрам земли старой болью кричит, Но не слышит никто – как оглохли.

Только взгляд этот горький в ответ, Только шелест поры листопада. И ряды муравьев, выходящих на свет Из нутра ржавой гильзы снаряда.

Да седой тишине будто дали под дых — Распласталась меж сосен, как вата... Здесь солдаты легли в чине русских святых,

Грудью встав на пути супостата.